

ПОСТИГАЯ НЕПОСТИЖИМОЕ

Старый мир изумляется, он не верит своим глазам. В то время, как он все дальше идет по тому, что он считает царской дорогой победоносного материализма, изуевченный науками и техникой, раздувшейся от комфорта и благополучия, яростно позитивистской, уверенный, что он не нуждается больше в Боге в своих поисках счастья, несколько голосов решились ему рассказать, что все это похоже на поведение страуса, что он по-настоящему никогда не освободился от того, эманацией чего он является, и не утратил своих корней, что он - не признаваясь себе в этом - продолжает быть погруженным в то, что одни называют священным, другие - его синонимом религиозности.

Священное: непостижимое в Мире, вытесненное из современности. Ведь закон трех периодов О.Конта /век метафизики, век схоластики, век позитивизма/ окончательно разрешил этот вопрос: вместе с теологической эпохой, - победно утверждает закон, - этим ослеплением сознания, закончилось обращение к богам как маскировка неспособности человека разгадать тайны окружающей его действительности. Мы вступили непосредственно в позитивную ~~жизнь~~ эру, т.е. мы положили основу отношениям разумного понимания того, что нас окружает. Блестящий XIX век, создавший миф о человеке-творце, век, который был порожден революцией, ощущал бытие как результат исключительной человеческой воли - этот век раскрылся для Знания, для рационального постижения мира, становясь все более "физическим". Не оказался ли прогресс, идущий под этим знаменем, заданным постулатом, доказательством успешной секуляризации познания? А позитивность, - провозглашенным желанием включить Бытие в прозрачную систему мироздания?

В той или иной степени эта идея продолжает будоражить эпоху. Священного все меньше, поскольку прогресса все больше. Как будто их взаимозависимость самоочевидна. Как будто так, доказательством от противного, подтверждается невероятный взлет техники. "Вы видите, - говорили толкователи современности, - все возрастающее господство человека над природой? Вчера наши предки молили богов, чтобы пошел дождь, а сегодня самолеты разбрасывают хлористый кальций и родистое серебро среди облаков и те освобождают сконцентрированную в них влагу". Знание приобретало трансцендентность, техника покоряла дикость мира. Смерть оккультных сил, приход профанической рациональности - главное было сделано.

Фактически, все что произошло, т.е. окончательная ликвидация священного /я говорю, разумеется, об установлении такого положения вещей в так называемых развитых обществах и среди того типа людей, который они породили/, произошло таким образом, как если бы понятие священного было кристально ясным и не нуждалось бы в каком-либо уточнении, кроме беглого обращения к религиозным явлениям. Правило заключалось в том, что "священное появляется тогда, когда появляется религия, а религия - тогда, когда она обнаруживается в человеческих верованиях; когда появляются божества или трансцендентные силы". Это был маленький теоретический фокус, который не остался без последствий, поскольку он позволил провозгласить вместе со смертью Бога и утрату священного у современного человека.

Я понимаю, что трудно противиться очевидности подобного диагноза. С одной стороны, сказочный расцвет науки и техники, их несомненная действенность - мы пока что не даем оценки их реальным последствиям, а с другой - крайняя нехватка понятий, огромный пробел в словах, который заставляет выводить смысл через приблизительные эквиваленты. Можно ли осмелиться думать иначе, будучи помещенным между двух зажимов капкана?

И на заре XX века мир проснулся профаном, потому что он забыл своих Богов. Профаном? - этот термин заслуживает некоторого внимания, ибо, отталкиваясь от него, стараются определить священное, хотя в историческом плане признается, что во французской лексике он появился несколько позднее, чем его антоним. Профан - от латинского *profanum*, *pro-fanum*, букв. "перед храмом", т.е. снаружи, вне освященного места. Заметьте, что здесь провозглашается: определение, а не вид. Удивительная врезка в действительность. Что же находится вне храма, если не общее пространство, повседневное, обыденное, если не смешение неразличимых явлений, социального и природного порядка, если не то, что мы называем миром? Щедрость здесь очевидна: профанация изобильна, она переливается через край, она окружает и не имеет границ, она выходит на бесконечность. В то же время священное, т.е. *fanum* /другое обозначение *templum*/ совершенно замкнуто, закрыто, очерчено. Это карман, вшитый в профанацию, вывернутая бородавка, которая растет внутрь, крошечная зона, где негативные черты могут нейтрализоваться, что, следовательно, будет приписано профанации.

Нет ли здесь парадокса, который исчезнет, если еще внимательнее всмотреться в текст? Потрясающее признание: священное заключено в профанном, только на нем лежит обязанность овладеть пространством, частью которого оно не является, и отныне выполнить царст-

важное действие сакрализации мира, а не наоборот, что казалось бы естественным.

Я говорила, что XX век завершил устройство мира профанов. Это было не серьезно. Слова поясняют мне, что мир никогда не переставал профанировать. Итак, что же думать и, в особенности, как думать?

Попытаемся сначала придать концепции священного более четкое содержание, освободив его от этого статуса противоположности, которое оно имеет по отношению к профанному. Затем попытаемся исследовать его функциональные качества.

В настоящее время наблюдается неоспоримое соответствие между трудами М. Элиаде, который продолжает свои поиски в области истории религий, и Рене Жирара, который направил свою мысль на преобразование антропологии. Соответствие, конечно, в том смысле, который выражается в концепции священного. Оба стремятся поколебать концепцию, унаследованную от Фрезера и Дюркгейма, которые, сведя священное только к религии, накладывают на него печать беспорядочного иррационализма. Оба стремятся утвердить более открытое понимание явления и заставить нас признать, что священное никоим образом не является указанием на нечто - "другое", чужеродное человеку, напротив, одним из необходимых ингредиентов, входящих в состав человеческой сущности. "Быть, или скорее стать человеком означает быть "религиозным", - утверждает Элиаде. Иначе говоря, необходимо перестать интерпретировать священное как примитивное состояние, передающее неспособность древнего человека разумно объяснить мир, в котором живет, чтобы понять его как "элемент структуры сознания".

Тут же рискнем сделать два предположения: касательно определения и гипотезы. Определение: 1. Священное есть символическое отношение человека к миру, отношения союза, растворения, соучастия /но не отношения власти, в том или ином смысле, мира над человеком или человека над миром/. 2. Священное есть то спонтанное знание, которое человек имеет о самом себе, о своем желании смерти. Гипотеза: мы не выйдем из священного, ибо мы и есть священное. Мы - это человек и его творение, общество.

Великая этнологическая и антропологическая традиция полностью затормозила ~~развитие~~ изучение священного. С одной стороны, она ошибочно утверждала себя в качестве генеалогической, признавая, таким образом, в качестве объекта изучения почти исключительно примитивные общества, которые якобы представляли зарю человечества, погугу-

женного в социальность. С другой стороны, она обращалась к сравнительному приему /который противопоставлял примитивные общества развитым/, только в тех пределах, в каких он иллюстрировал основную идею, — а именно, что социальная "эволюция" должна сопротивляться прогрессирующему отрыву индивидуумов от их сакрализирующего видения мира. Следовательно: социальные структуры эволюционизировали от священного к профанному, от эмпирического к рациональному, от чувственного к мысли, короче, от религии к политике. Наконец, был принят серьезный шаг к анализу функционирования примитивных обществ под углом примитивной сакральности. Как если бы священное было реакцией, бессознательным ответом, своеобразной системой защиты, которой человек себя обеспечивает, чтобы защитить свою жизнь от угроз природы.

Тогда становится более понятной задача позитивистской идеологии. Она действовала в ~~книжничестве~~ счастливой уверенности: если священное, которое пронизывает общественную жизнь первобытного человека — наблюдение непроверяемое — является лишь защитой от опасностей мира, еще более опасное оттого, что он непроницаем, неясен, непонятен, любой сразу согласится, что сегодня для его /т.е. священного/ существования нет причин, так как эту функцию аккуратно выполняют наука и техника.

Одно "но": правильно ли установлено происхождение? Действительно ли священное, которое здесь открывается, предназначено защищать мир? Или скажем иначе: действительно ли мир пугает человека?

I. Основополагающее насилие.

Рене Жирар, для того, чтобы пересмотреть этот вопрос, исходит из смущающего соответствия, которое существовало в большинстве мифов, относящихся к зарождению человеческой общности: общественная деятельность всегда основывалась на первоначальном убийстве. Нет группы, которая бы избежала этого условия зарождения. Достаточно процитировать два наиболее знаменитых примера нашей культуры: убийство Авеля Каином, убийство Рема Ромулом. Вы можете, если нуждаетесь в дополнительных доказательствах, просмотреть "Мифологические" К. Леви-Стросса, материала будет более чем достаточно.

Что же значат эти смерти, подаваемые в качестве начала? О чем они рассказывают? Об изобретении жертвоприношений? Об установлении системы обмена между людьми и божеством? О принципе приношений? О рудименте ритуальной техники? Ничего подобного. Они не говорят /пока/

на языке религии. Их речь - человеческая. Они рассказывают, что человек предполагает в себе смертоносную силу, и его первое гуманное действие - изгнать насилие, которое он таит в себе. Внутри мифа вырисовывается понимание того, что человек содержит в себе темные силы своего собственного уничтожения - заключенные в самом его желании существовать. Но в то же время он описывает процедуру заклинания судьбы, так как смерть "брата" буквально поддерживает приход того, что за ней последует: основания общества.

Урок ясен. Это не гегелевская диалектика хозяина и раба, представляющая отчет о человечестве. Неверно возводить насилие к желанию постичь сознание в схватке. Бой насмерть не имеет целью переделать другого в точное отражение того, что я есть, или в жалкий лепет - кредо моего сознания. Нет. Он выражает изначальную неизбежность: человеческим сознанием невозможно овладеть, лишь поставив перед ним то, что им управляет.

Именно этот двойной рассказ передают мифы о первоначальном убийстве, о зарождении человеческого и о зарождении общественного Человеческого - потому что убийство выражает насилие, содержащееся в его существе, раскрывает существо ему самому, давая себя увидеть. Общественного, потому что смерть другого представляет собой то, что уже не нужно восстановить, действие по преимуществу крайнее, которое, однако, должно быть совершено, чтобы точно обозначить последний предел, в котором человек отныне должен оставаться, чтобы выжить. Возникновение человечества - это наблюдения. Взгляд человека на самого себя.

П. Проекция: священное деяние.

Рассмотрим теперь движение, которое наметилось вместе с основным жестом. Я говорю об изгнании, об экстерниоризации. Фактически речь идет о метании.

Фрейд на этот раз прав в своей догадке. На убийстве основывается зрелище. Предание смерти, поскольку оно представляет действие, укладывается в сценарий, составляющийся в сознании и вызванный тем, чем оно само раскрывается, - текстом символического катарсиса. Больше никогда! - возвещает сознание в тот самый момент, когда отдает приказ об убийстве. Больше никогда, но исполнитель никогда этого не забудет. Пережитая сцена соскальзывает в область вновь представляемого, перемещается, чтобы придать очертания общественному воображению. Появление театрализации запретного, т.е. обряда. Жертвоприношение уже близко.

Однако нельзя ограничиваться этим поверхностным толкованием,

Имеется еще один факт относительно выхода насилия наружу: священное было здесь прямо установлено. Жирар это отметил, когда пытался уточнить контуры этого явления. "Священное, - пишет он, - это все, что подчиняет себе человека, вернее то, что, как верит сам человек, наиболее способно его подчинить. Это бури, лесные пожары, эпидемии. Но помимо всего этого, в более скрытом виде, это еще и насилие людей друг над другом, насилие, соотносящееся как внешнее со внутренним, со всеми силами, которые давят на человека. Именно насилие является сердцем и тайной душой священного. Мы еще не знаем, каким образом людям удастся изгонять из себя насилие. Но раз им это удалось, раз священное стало таинственной субстанцией, которая обволакивает и окружает их, не становясь полностью ими самими, которая расправляется с ними, в каком-то смысле подобно эпидемиям и природным бедствиям, они оказываются перед комплексом явлений, которые на наш взгляд разнородны, но аналогии между ними поистине замечательны".

Священное формируется и проявляется именно здесь, в экстерииоризации человеческого насилия. Когда оно проявляется в действительности, оно смешано с насилием, содержащимся в нем самом, растворено в той единственной угрозе, перед лицом которой священное станет самой главной защитой.

Схема проясняется. Человек производит священное, когда он проецирует свое бытие перед своим сознанием - зрелище невыносимое, ибо это уничтожение в прямом смысле слова - но это предохраняет от повторения события, поскольку передает миру часть насилия, которое ему присуще.

Так что же означает священное? - Оно прямо противоположно тому смыслу, который ему долго придавался. Это не убежище, которое возводит человек, чтобы защитить себя от тайных сил, преследующих мир, не утверждение невежества, не "трансцендентализация" природы. Это, наоборот, признак абсолютного и непосредственного познания того, что бытие основывается на его расчете, признание неизмеримого страха, который испытывает сознание, когда сталкивается с человеческой действительностью, это то, что предпринимают, чтобы избежать смертоносного самовыражения человека. Состоят три элемента, которые составляют структуру сознания: осознание, страх и отказ.

Трудность в определении этой "природы" священного, с которой сталкивалась большая часть анализировавших это явление, происходила от того, что они разделяли иллюзию его внешнего харак-

тера. Они не видели в нем приема, который устранял насилие от человека, выводя его в природу, они смотрели на богов и пренебрегали человеком.

Сущность священного состоит в перенесении насилия, в удачной попытке обратить его на самое себя. Это бмена знаков, отрицание. Мы видели, что подобные действия, в еще больших масштабах, происходят и на социальной почве. Здесь священное исполняет двойную функцию: регулировать и контролировать коллективное насилие; упрочивать сплоченность возникшей группы, обеспечивая ее символическим воспроизведением ее единства.

Нет ни одной социальной структуры, которая обходилась бы без конечного регулятора, нет ни одного института, который бы не повторял неустанно историю запретного.

Без священного не обойтись. Человек решил выжить несмотря на свою природу, вопреки ей. Речь идет не о древности или современности, а о самом существовании человека.